

Конечно, мы знаем, что, аналогично русской письменности, сербская созрела на почве хотя и схожей, но все-таки инославянской, именно благодаря книгам Священного Писания, переведенным с греческого языка святыми Кириллом и Мефодием, а также их последователями. Но это далекое прошлое, которое хорошо знают даже не все специалисты по данной тематике. Более того, несмотря на то что с Сербией у России были всегда особенные, братские отношения, современная сербская (югославская) литература в нашей стране известна плохо. Безусловно, мы знаем, что славу ведущего сербского поэта делит с Бранком Радичевичем его современник Петр Негош, последний черногорский «владыка». О Негоше знают даже те, кто, в сущности, никогда не интересовался искусством Балкан. Знают, поскольку за последние годы наши граждане постоянно посещают Черногорию и Сербию. Знают некоторых авторов, которые появились в XX веке сербской литературы. В первую очередь это Иво Андрич, который за книгу «Мост на Дрине» получил в 1961 году Нобелевскую премию. Знают замечательную поэтессу Десанку Мансимович. Ей вообще повезло с русскими переводчиками, ее поэзию переводили такие разные и сильные авторы, как Леонид Мартынов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Белла Ахмадулина, Иосиф Бродский. В этом значительном списке числится и Анна Ахматова. Знатоки считают, что по адекватности передачи образов и смыслов лучшими являются ее переводы. Да и сама Мансимович хорошо знала русскую и польскую поэзию, внесла свой вклад в переводческую работу.

И все-таки это «отдельные моменты любви...», которые не дают общей картины, особенно это касается современной сербской поэзии. А между тем поэтический ландшафт сербской поэзии далеко не беден. Это заметно по отдельным публикациям в нашей периодике, по антологиям современной сербской поэзии, которую тщательно составил

и выпустил в свет поэт и переводчик Сергей Гловюк, где наряду с Радомиром Андричем, Брониславом Вельновичем, Адамом Пуслоичем соседствуют молодые авторы. В развернутой подборке известных сербских поэтов, которую предлагает читателям «Юность», ярко представлена поэзия значительного сербского поэта Владимира Ягличича. Он родился в 1961 году в Крагуеваце, где живет и сегодня. Автор пятнадцати поэтических книг, а также четырех романов и одного сборника рассказов. С русского, английского и французского перевел много книг. Лауреат крупных литературных премий Сербии, премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Его поэтика ненавязчива и вместе с тем оригинальна, его голос хорошо вписывается в русскую поэзию, сочетая в себе современную метафоричность и точные смыслы между прошлым и будущим. А вот член Сербского философского общества, руководитель УНС (ассоциации писателей Сербии) Милован Витезович (род. в 1944-м) совсем другой автор. Был редактором литературных журналов и телеведущим на Белградском телевидении, является профессором Академии искусств. Пишет стихи, романы, драмы, телесценарии, книги для детей, эссе и афоризмы. Вышло оноло сорока его книг более чем в двухстах изданиях. В нашей подборке представлен свободными стихотворениями на вечные русские темы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой... Белградец Данило Йонанович родился в 1956 году в Подгорице, работает главным редактором небольшого интеллектуального издательства «Грамадин», которое пользуется популярностью у посетителей Белградской книжной ярмарки. Он автор ряда поэтических книг, перевел с русского на сербский дневник Михаила Булгакова «Под пятой». Лауреат российского литературного форума «Золотой витязь» 2019 года.

Будучи в прошлом году гостем и участником 56 белградских (наследие югославских времен) международных встреч писателей, мне довелось познакомиться и выступать со многими поэтами и прозаиками на самых разных площадках страны: с уже давним знакомым Александром Петровым (пишет на сербском и русском языках), который видит сны о том, как спит Красная площадь, с веселым печальником Мирюлько Вукадиновичем, с Братиславом Милановичем, у которого запросто живут в доме старые мифы и «сто лет не звонят телефоны...». Помню и серьезную, такими, нстати, оназались и ее оригинальные произведения (иногда ироничные), Мирьяну Булатович, а вот с Милошом Янковичем, у которого «небо на ангела стало богаче...», лично не знаком, но подборку его прочитал с неослабевающим вниманием.

Помимо перечисленных авторов, в этой публикации представлены и другие поэты, любезно рекомендованные переводчиками. Разумеется, это далеко не весь спектр нынешней сербской поэзии, но все-таки по некоторым ее рекам благодарный читатель может уверенно плыть.

Евгений Чигрин, Москва

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Славомиру Гвозденовичу

Со всех сторон самые искусные стрелки,
члены убойной команды целятся
в очи, в адамово яблоко, в горло,
в родимое пятно на левой лопатке,
в черную точку на краю светлой памяти,
в кириллицу, в еще свежие
раны на ладонях, не так давно
прибитых к великому кресту
в Грачанице, в Печскую патриархию,
в Богородицу Левицкую, в келью
Триединой троицы, в таинство
крещения, туда, где большее всего,
в светлое полотно, сотканное
прозрачными небесными нитями
на языке предков.
Погибнуть
не может только Тот,
кто не был рожден перед выходом
на место расстрела,
но и он умирает с нами,
как живой.
Кажется,
и море расступилось,
а мы дальше и дальше от рассвета
на берегу реки у домов, воздвигнутых во сне.
Когда же, наконец,
чи-нибудь уши,
Господи, вслед за муками
Твоего Сына
уловят безутешный плач
из наших христоробивых
уст и он вольется в них
без остатка.
Со всех сторон наемники смерти
держат нас под прицелом и спускают
из адских пещер
бешеных псов,
чтобы они наелись досыта этой святой
землю, на которой мы кровоточим,
на которой ждем, что за
нашей высокой Голгофой
упадет звезда огненная
и ослепит очи полные
бешенством и злобой.

Перевод Сергея Гловатка (Москва)

ИНОГДА ПОУТРУ

То, что и не смели мы до переселения никому
сказать, теперь является на неизведанном пути
голодом и жаждой молодых яблоневых побегов в саду
родном, откуда и начался наш исход, когда связанные
общей болью в черных одеждах, мы шли, не ведая,
что мы уже немые, и только лишь иногда
поутру Грачаницкий колокол наполняет старые
соборные площади целебным звуком надежды.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

*Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.*

Булат Окуджава

Время, потраченное не на любовь
Он считал потерянным

Погружаясь в кутежи
Встретил Пиковую даму
В облике Натальи Гончаровой
С полной уверенностью
Что и ее сочинил

Умирать ему не хотелось
Но исполняя долг чести
Вышел на дуэль

Ведь и поступки его
Тоже должны были
Его пережить

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

В Петербурге
Идя по стопам отца
Выучился на офицера

Выдержал несколько битв
Прежде чем взялся за перо

За стихи на смерть Пушкина
Заработал изгнание

Когда напевая
Верхом поскакал в вечность
Под ним вздыбливался Кавказ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Оживил Мертвых душ
Своим духом
И умер живым

Гоголевская Шинель
Теперь главный цензор
Он отдал ее придворному закройщику
Вывернуть и распороть

С тех пор из нее
Выходят великие русские писатели

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Когда Лев Толстой
С чувством собственного достоинства
Повернулся к Богу спиной

Бог не мог оставаться равнодушным

Раздумывал
Пойти ли за ним

Сознавая свой
И его авторитет, решил:
Подожду-ка его я в Астапово

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Сначала Константиново
Было ему Москвой
После Москвы
Не мог оставаться в Константиново

Покинул
И Москву, и Константиново

Уходя
Остался вечным юношей

За три десятилетия прожил
Триста исключительно молодых лет

Никогда так и не понял
Что его притягивает вечность

Перевод Елены Буевич (Черкассы, Украина)

В МУЗЕЕ КОКИ ЯНКОВИЧА*

Из окна музея мне открылось поле,
муравьев-рабочих много полуголых,
на лесах, на стройке, свет играет вволю.
В октябре медовом звонко кружат пчелы.

Как тепло! Рубаху распахнул рабочий,
от тепла и света поле зеленеет.
Светлой пеленою мне накрыло очи,
потерял я голос, все во мне немеет.

Как меня накрыло поволокой странной?
Может, неизвестность отняла дар речи,
свет теперь повсюду, день молчит румяный,
будто обнаженной дамы вижу плечи.

Человек естествен, правильна природа.
Здесь я – в этом мире? Он подобен раю.
Даже решетом я набираю воду,
а душистый воздух шляпой собираю.

Весь внутри прострелен яркими лучами,
будто каракатиц пальцы – я текуч,
тьме назло всемирной, вопреки печали, –
я и сам – луч.

Перевод Аллы Козыревой (Москва)

* Никола Кока Янкович – скульптор, академик, родился в Крагуевце. После его смерти в Крагуевце, на окраине города, был создан его мемориальный музей.

КАПУСТА

Неспешно выросший качан широколистый,
готовый к сечке туготелый шар хрустящий,
засола ждет, когда на бочку крест плечистый
положат сверху и пудовый камень – к вящей

и пушей верности. Квашенье – род искусства
(что лишь немногим знатокам сулит удачу).
Пока что снята с гряд и сложена капуста
и бочек ждет своих, покрепче, побогаче.

И вот, посечена хозяйскими руками,
в день остывания осеннего светила,
умножась в сущности своей под тесаками,
она несет в себе достоинство и силу,

готовность к жертве без малейшей тени грусти –
под бодрый стук, под золотистый отблеск кадки.
Какая мудрость в этих головах капусты,
все отдающих – ныне, здесь и без остатка!
Все обретающих в осеннем онеменье,
все то, что отдано без страха и сомненья.

ДАРЫ

Миловану Беконьи, скульптору

Когда проводишь друга – снова, снова! –
в нездешний мир, в загадочную тишь,
закрывшись в мастерской, не помня слова,
с немym резцом опять заговоришь.

Но все шумы, весь хаос многоликий
в затворничество целятся твое –
шаги влюбленных, фар вечерних блики,
околичное, с лаем псов, жилье.

Пусть гул толпы бахвалится победой.
Но надо было с демоном сойтись
в единоборстве ради правды этой –
искусства, светом полнящего жизнь.

И пусть друг друга рвут они на части,
ни разума не помня, ни стыда, –
и те, кто рвутся к вожденной власти,
и те, кто должен уступить места.

Ты знаешь: шум машин, надменно-сухо
звучащий, страсти зов, поход во власть –
все это – не от сути, не от Духа,
и, как вселенский прах, должно отпасть

перед смиренным обликом иконы.
Все ли слои осыпаться должны
пред вечным, перед тем, что ждет исконно
на самом дне духовной глубины.

И только тот, кто наших слез достоин,
кто прожил и ушел как человек,
вернется в некий час, поэт и воин,
чтоб с мастером вдвоем назвать свой век

по имени. Взгляни же миру в очи,
ваятель, чтоб в резце себя нашла
надежда, чтоб Судья небесный зорче
вгляделся в штрих-пунктир добра и зла.

Чтоб в дереве, металле или камне
прошли бы пред судом Его седин
тысячелетья следом за веками –
пешком, бегом ли, «формулой один».

В счастливой силе дня ты и не вспомнишь,
что слаб и наг, что на две трети сед.
Лишь в мудрой одинокой думе полночь
шепнет, что каждый свой оставит след.

И этот след на вязком бездорожье –
итог трудов резца и мук пера.
Свой нежный дар Христу и плану Божью
несут сквозь скудость мира мастера.

Несут сквозь казнь бездушья и бездумья
отвагу и отзывчивость сердец,
дабы, итожа счет жестокой сумме,
простил хоть часть стадам своим Отец.

ТАЗ

Во дворе, возле крана с водою, почти у забора,
долгий век доживает посудина старого таза.
Он служил еще бабушке, помнится, в прежнюю пору,
а теперь в его чаше герань расцвела яркоглазо.

В нем купали меня. И касались Господнего чада
Иорданские воды в купели его допотопной.
Потому нам доньне, за слабую веру награда,
льются ливни с небес, над асфальтом, над грядкой укропной.

И хоть мухи жужжат над отжившим железным сосудом,
все искрится его оцинковка под солнцем среди зноя.
И смирившись с кончиной своею, с часов самосудом,

он и участи нашей крупницы уносит с собою.
Он, кто первым узрел наготу нашу, Божью убогость,
омовений родительских помнящий нежность и строгость.

ОБОСНОВАНИЕ ОТСУТСТВИЯ

А мы с Борой Хорватом* отсутствовали как мертвые,
пребывая в иных краях – посущественней, поважней.
Не было с вами нас, лишь посмертные абрисы легкие
на земле мы оставили. С ветром минувших дней,
с ритмом его искали гармонию строки наши,
чтобы не каждый понял слова, но голос любой узнал.
Жить – тяжелей, но поется – все легче, все дальше.
Вот и забудьте о страхе, вы, кто нас услышал.

Перевод Сергея Шелковского (Харьков, Украина)

* Бора Хорват – сербский поэт, умерший в Крагуевце.

ГРАЧАНИЦА

Как тебя из слов построить, Грачаница,
чтобы умилиться, а не отчаяться?

Чтобы никогда не терять из виду
со стены глядящую Симониду.

Чтобы подсобили святые сербские
унести тебя в своем сердце, и

чтоб любой из нас, где ни погляди,
по одной Грачанице нес в груди.

КОСОВО И МЕТОХИЯ

*Что берег в душе от вышних,
то огонь уже повыжег,*

*пламенем – по рукам,
вспышками – по устам.*

*За слезы о чьем-то сыне
за попорченные святыми,*

*за птицу, сбитую влет,
душа к отмщенью зовет.*

Крест, меч и речь мою –
Косову отдаю.

В Метохии – сны мои.
С подъязычным ядом змеи

пойду в монастырь Дечаны –
оставить старые раны,

и силой памяти призван,
вернусь к тебе, древний Призрен:

разрушенные, в чаду,
Архангелы* обойду.

Перевод Елены Буевич (Черкассы, Украина)

* Монастырь Святых Архангелов около Призрена в Косове.

ХЛЕБ

Мы готовили из пепла
Хлеб.
Замешивали его слюной,
Заливали водой,
В которой отражалась луна.
Мы добавляли уголья из орехов
И порох какой-то лечебной травы,
Переливали юрьевской росой
И снова добавляли
Одну каплю воска,
Чтобы душа лучше легла
В яму посередине.
Такой хлеб,
Испеченный на солнце,
Мы не ели,
Но зашивали в пояс,
Сотканный из соли,
И в глухой час ночи
Бросали собакам.
Как говорится,
Лечили ужас.
Не зная, что только
Дым
Стал
Нашей жизнью.

Перевод Бориславы Дворанац (Сербия)

ТЕМНООКАЯ ПЕСНЯ

(ФРАГМЕНТ)

Сыну, Матии

Я сманила тебя оттуда, где было тебе светло,
в этот мир, где живая душа дешевле полушки,
что ни сей – слишком поздно тут всходит добро,
слишком рано – зло,
и поэтому ты не спеши выйти вон из нашей избушки.

Ты возьми себе в помощь, как в начале времен,
зверолова чутье – знатока повадки звериной.
Много в городе комнат-пещер, и со всех сторон
праисторию жалит будильников рой комариный.

Вот куда соскользнул этим летом ты с неба. Но
Твой Всевышний Отец тебя видит. И, вероятно,
Он тебе дал все то, что мало кому дано
для прорыва сквозь тьму и для возвращенья обратно.

Перевод Екатерины Полянской (Санкт-Петербурге)

ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Коль одинаково слева и справа,
Надвое поровну делится тело,
То отчего не поймет это, право,
Наша душа, хоть и кажется целой?

Так почему она все разделяет,
Учит все равными видеть частями –
Даже себя. Выбирать заставляет
Меж одинаковыми смертями.

Так для чего я ищу ежечасно
Суть: выбираю, решаю, листаю?
Времени, что потерял я напрасно,
Для одной истины еле хватает.

Если все схоже – тогда все едино,
Жизнь – лишь отрезок меж точками страха,
Все, что мое, все, что бедно и – дивно
Станет в итоге лишь горсточкой праха.

Перевод Екатерины Полянской (Санкт-Петербурге)

* * *

Тихо в нашем доме,
Ни воды нет, ни пищи,
Невозможно заснуть
На сопревшей подушке.
На посуде слой пыли,
В чулане висит паутина,
Жестяные рога на стенах,
На них плесневеет наша надежда,
Старые мифы,
Умолкнувший мир.
Мы говорим, но слов не слышно.
Нам снится Земля Светозарная..
Мы сидим на корточках на пороге,
Гордые, облинявшие.
Уже смутьяны о нас забыли
И давно нам палками не грозят.
Тихо в нашем доме,
В очаге блестит ледяная корка,
В зеркалах разбитые лица,
Глаза, ставшие серыми
От прошедшего и грядущего.
Уже сто лет как колокол не говорил,
Уже сто лет как не звонят телефоны,
Родные под кров не слетаются,
А коты не справляют свадьбы в подвале,
Тихо в нашем доме:
Ни вода его не зальет,
Ни гром в него не ударит.

Перевод Музы Павловой (Москва)